

М.М. Богословский

Смоленское шляхетство в XVIII веке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.М. Богословский**
Смоленское шляхетство в XVIII веке / М.М. Богословский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 40 с.

ISBN 978-5-518-05989-4

Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCXXII. 1899. Март.

ISBN 978-5-518-05989-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дѣльно. Тогда и процессъ его образованія будетъ представленъ отчетливѣе.

Смоленская область имѣла въ русской исторіи межеумочный характеръ. Населенная вѣконн славянскимъ племенемъ кривичей она въ XII вѣкѣ дѣлается достояніемъ одной изъ линій Мономахова дома. Съ XIV вѣка по обѣимъ сторонамъ ея возникаютъ два могущественныя государства, и она становится сначала ареною перемѣчливой борьбы двухъ влiяній — московскаго и польско-литовскаго, а потомъ дѣлается предметомъ борьбы двухъ государствъ. Въ началѣ XV вѣка она теряетъ самостоятельность, подпавъ подъ власть Литвы, и съ тѣхъ поръ переходитъ изъ рукъ въ руки. Въ началѣ XVI вѣка она переходитъ во власть Москвы, въ началѣ XVII дѣлается опять достояніемъ Польши и, наконецъ, въ половинѣ XVII вѣка присоединяется уже навсегда къ Московскому государству. Это пребываніе въ составѣ Польши не осталось безъ влiянія на высшемъ, по крайней мѣрѣ, словѣ населенія этой области. Присматриваясь къ фамилльнымъ прозвищамъ смоленскаго шляхетства, мы видимъ очень немного великорусскихъ именъ; большая же часть этихъ прозвищъ — со свойственными юго-западной Руси окончаніями на *чъ*, какъ Адамовичи, Засуличи, Богдановичи, Прокоповичи, Отрошковичи, Карновичи, Станкевичи и др. или, что еще чаще, на *скій*, *цкій*: Азанчевскіе, Высоцкіе, Волярлярскіе, Верховскіе, Воеводскіе, Загряжскіе, Заблоцкіе, Ковалевскіе, Краевскіе, Миклашевскіе, Островскіе, Ровинскіе, Рачинскіе, Храповицкіе и др. Въ этихъ фамилльныхъ прозвищахъ съ окончаніемъ на *скій* и *цкій*, замѣствованныхъ отъ названій *мѣстности* нельзя не видѣть Польскаго влiянія ¹⁾. Великорусскія дворянскія фамиліи, кромѣ княжескихъ, не имѣютъ такого земельнаго происхожденія. Представители всѣхъ этихъ фамилій еще въ XVIII вѣкѣ говорятъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, сохраненнымъ намъ документами благодаря звуко-

¹⁾ Вотъ перечень наиболѣе видныхъ фамилій Смоленскаго шляхетства: Адамовичи, Азанчевскіе, Богдановичи, Болкошины, Борейши, Борщевскіе, Броневскіе, Верховскіе, Воеводскіе, Волженскіе, Волярлярскіе, Воронцы, Высоцкіе, Глинскіе, Грабовскіе, Грѣбовскіе, Гурко, Догоновскіе, кн. Друцкіе-Соколинскіе, Дубровскіе, Ефимовичи, Заблоцкіе, Загряжскіе, Залѣсскіе, Засуличи, Карновичи, Келлискіе, Киркоры, Ковалевскіе, Корсаки, Косовскіе, Коховскіе, Краевскіе, Красовскіе, Лопецкіе, Малевскіе, Миклашевскіе, Мрачковскіе, Новицкіе, Островскіе, Пассеки, Пенскіе, Пожотны-Отрошковичи, Поплонскіе, Потевкины, Прокоповичи, Пузыревскіе, Рачинскіе, Реутовы, Ровинскіе, Рывданскіе, Савицкіе, Станкевичи, Сурожевскіе, Храповицкіе, Швыковскіе, Щелваны, Энгель-Гарты.

вой ореографіи, пишутъ по большой части латинскимъ шрифтомъ и носятъ національный польскій костюмъ, въ которомъ и являются въ военную службу. Въ 1724 году камеръ-коллегія освѣдомилась, не носятъ ли кто въ Смоленскѣ „неуказанаго“ (запрещеннаго указомъ русскаго) платья и штрафуютъ ли носящихъ таковое. Смоленская губернская канцелярія въ отвѣтъ доносила, что въ Смоленскѣ обыватели „всѣ ходятъ въ указномъ платьѣ. Только смоленская шляхта и дѣти и служители ходятъ въ платьѣ польскаго маера, а не нѣмецкаго, какъ всегда хаживали и бывають въ такомъ платьѣ и въ Петербургѣ, а въ 1721 г. были въ немъ въ Москвѣ на смотру“¹⁾. Многие изъ нихъ, находясь подъ польскимъ владычествомъ перемѣнили не только платье, но и религію и перешли въ католицизмъ. Однако держались его не твердо: по крайней мѣрѣ по возвращеніи Смоленска къ Россіи при царѣ Алексѣѣ много плѣнныхъ смоленскихъ шляхтичей принимали въ Москвѣ вновь православную вѣру, имѣя въ перспективѣ „государево жалованье“, выдаваемое перемѣнявшимъ вѣру²⁾. Польское вліяніе не прекращалось и въ XVIII вѣкѣ, въ особенности благодаря тому, что знатные смоленскіе шляхтичи отдавали дѣтей за-границу въ польскія школы, гдѣ они и принимали католицизмъ. Въ 1728 году въ Сенатѣ производилось большое дѣло о „превращеніи“ въ католическую вѣру 30 человекъ изъ смоленской шляхты. Обвиняемые принадлежали къ лучшимъ фамиліямъ, игравшимъ наиболѣе видную роль въ смоленскомъ дворянствѣ: Потемкиныхъ, Волларярскихъ, князей Друцкихъ-Соколинскихъ и др. Двухъ изъ нихъ такъ и не удалось привезти въ Москву: они бѣжали за рубежь, гдѣ одинъ даже постригся въ ксендзы. На допросѣ обвиняемые показывали, что обращены были въ католическую вѣру въ дѣтствѣ, когда ихъ отдавали „для обученія латинскаго языка“ въ Оршу, Мстиславль или Витебскъ въ монастыри „ксендзовъ-езуитовъ“; что эти послѣдніе имъ объявляли, „что какъ греческая такъ и римская вѣра равны“. Поэтому они и мѣняли вѣру. Дамы, привлеченныя къ процессу показывали, что мѣняли вѣру также въ дѣтствѣ въ возрастѣ лѣтъ десяти и одиннадцати, когда ихъ отдавали къ знатымъ польскимъ родственникамъ „для обученія тамошнихъ польскихъ въ церемоніяхъ поступокъ“. Нѣтъ ничего естественнѣе, конечно, что, получая воспитаніе

¹⁾ Арх. Мин. Юстиц. дѣла Камеръ-Коллег. визка 7, дѣло 10.

²⁾ Арх. Мин. И. Д. Дѣла Смоленскаго приказа. Столбцы 1655 года, № 1; 1655—1656, № 1, л. 94.

ніе въ католическихъ монастыряхъ и польскихъ аристократическихъ семействахъ, смоленскіе дворяне и сами переходили въ католическую вѣру. Между смоленскимъ дворянствомъ и дворянствомъ сосѣднихъ польскихъ областей поддерживалось знакомство и родственныя связи; нѣкоторые изъ фигурировавшихъ въ этомъ процессѣ были женаты на католичкахъ. Возвращаясь изъ польскихъ школъ на родину, иные изъ нихъ, какъ выяснилось изъ процесса, хорошо памятуя наставленія о равенствѣ греческой и римской вѣрѣ, полученныя отъ воспитателей іезуитовъ, ходили на исповѣдь къ православнымъ священникамъ, не совершая формальнаго присоединенія къ православной церкви. Другіе продолжали соблюдать католическіе обряды и заявили желаніе воспріять вновь православную вѣру только тогда, когда были уже арестованы и привезены въ Москву къ допросу. Поэтому и въ приговорѣ, постановленномъ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, послѣдніе были призваны достойными смертной казни и лишь по милосердію только осуждены на вѣчную ссылку въ Сибирь съ конфискаціей всего недвижимаго имущества; тѣ же, которые возвратясь изъ за рубежа соблюдали православные обряды, были подвергнуты денежному штрафу и отданы подъ особо тщательный надзоръ смоленскаго архіерея¹⁾.

По поводу этого процесса были изданы въ томъ же году Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ два указа общаго характера, цѣлью которыхъ было препятствовать распространенію католицизма среди смоленскаго дворянства. Этими указами предписывалось смоленскому архіерею имѣть попеченіе, „чтобъ смоленская шляхта вѣру греческаго исповѣданія въ благочестія и исправно содержали и ни мало бѣ соблазна въ томъ не происходило“. Сношенія смоленской шляхты съ сосѣдними польскими областями затруднялись. Для того чтобы получить право отъѣзда за-границу по дѣламъ, надо было принести присягу въ неизмѣнномъ соблюденіи греческой вѣры и, кромѣ того представить по себѣ поручителей добрыхъ и знатныхъ людей. Отдавать дѣтей въ Польшу для наукъ положительно воспреещалось; „а ежели смоленская шляхта дѣтей своихъ латинскаго и прочихъ языковъ учить пожелаютъ, чтобъ они ихъ учили въ російскихъ школахъ, понеже такихъ школъ въ Москвѣ и въ Кіевѣ довольное число“. Запреща-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената 1840 № 1. Приговоръ о ссылкѣ не былъ, однако, приведенъ въ исполненіе, и осужденные были возвращены съ дороги, присоединились къ православію и получили помилованіе; имѣнія ихъ были возвращены. Ср. Проток. и Журн. Верх. Тайн. Сов. въ Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ., т. LXXXIV, стр. 553.

лось также держать въ домахъ своихъ для обученія дѣтей учителей или инспекторовъ римской вѣры; въ домашніе наставники позволено было брать только русскихъ подданныхъ, и только за неизмѣннѣю этихъ послѣднихъ дозволялось брать иноземцевъ, но неизмѣнно греческаго вѣроисповѣданія, въ чемъ они должны были представлять свидѣтельство архіерея. Ограничено было право вступленія смоленскихъ шляхтичей въ бракъ: было запрещено во-первыхъ брать изъ за рубежа невѣсты католичекъ, во-вторыхъ отдавать замужъ дочерей и родственницъ за жениховъ католической или униатской вѣры. Но въ особенности строгія мѣры были приняты противъ пріѣзда въ Россію католическаго духовенства. На границѣ караульнымъ офицерамъ драгунамъ подтверждалось „съ жестокимъ прещеніемъ“ чтобъ изъ Польши и Литвы ксендзовъ въ Россію въѣзжать не пропускали. Если духовному лицу католическаго исповѣданія надо было пріѣхать въ Смоленскъ по своимъ дѣламъ, то пограничная стража должна была доводить объ этомъ до свѣдѣнія губернатора и архіерея; ему назначался для пребыванія въ Смоленскѣ опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго оно должно было его покинуть. Кромѣ того отъ всякаго прибывшаго въ Смоленскъ ксендза брали подписку: „дабы онъ въ бытность свою російскихъ людей по римской вѣрѣ не исповѣдывалъ и не причащалъ и никакимъ вымысломъ къ своей вѣрѣ не склонялъ и не наговаривалъ, и въ дома ихъ для того ни тайно, ни явно не ходилъ, и платья никакого, кромѣ настоящаго своего ксендзовскаго на себѣ не носилъ“. Со всего смоленскаго дворянства предписывалось отобрать письменныя обязательства „подъ жестокимъ истрезаніемъ“, чтобъ они нигдѣ съ римскими ксендзами ни тайно, ни явно сообщенія не имѣли и никакихъ наговорокъ отъ нихъ не слушали. Виновныхъ въ неисполненіи этихъ постановленій губернаторъ обязанъ былъ присылать въ Сенатъ въ оковахъ, а Сенатъ, произведя слѣдствіе, долженъ былъ докладывать Верховному Тайному Совѣту ¹⁾).

Разсмотрѣнное дѣло и вызванные имъ указы вскрываютъ намъ довольно ясно, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находился высшій слой населенія Смоленской области къ тогдашнему польскому краю. Едва ли, однако, въ основѣ всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ для устраненія связей смоленскаго дворянства съ сосѣднимъ поль-

¹⁾ П. С. З. №№ 5298 и 5822. *Ооловецъ* XIX стр. 190 (изд. 1876 г.) Ср. Протоколы и Журналы Верх. Тайн. Сов. въ Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXXIV, стр. 45—46.

скимъ, лежали какія нибудь политическія соображенія, въ родѣ опасенія перехода этого края въ польскія руки: край уже слишкомъ давно принадлежалъ Россіи, а Польша XVIII вѣка была слишкомъ слаба, чтобы его отнять. Скорѣе нужно думать, что поводомъ къ этимъ мѣрамъ послужила исключительно забота о чистотѣ и непокосновенности православія ради него самого. Какъ - бы то ни было, не говоря уже о свободѣ совѣсти, указы Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничивали смоленское дворянство и въ другихъ отношеніяхъ: въ правѣ переѣзда черезъ границу. въ возможности давать дѣтямъ то воспитаніе, которое оно считало наилучшимъ и, наконецъ, въ брачномъ правѣ.

Всѣ эти ограниченія шли, однако, совершенно въ разрѣзъ съ тѣми вольностями, которыми было надѣлено это дворянство еще со времени присоединенія Смоленска и которыхъ оно не забывало до второй половины XVIII вѣка. Если тотъ налетъ польскаго вліянія, который замѣтенъ былъ на смоленскомъ дворянствѣ въ прошломъ вѣкѣ и съ признаками котораго мы только что познакомились, составлялъ одну изъ особенностей, отличавшихъ эту часть русскаго дворянства отъ его массы, особенность, которую можно назвать бытовою; то въ тѣхъ дарованныхъ закономъ или установившихся обычаяхъ вольностей и преимуществахъ, которыми оно пользовалось еще и въ прошломъ вѣкѣ сравнительно съ остальною массою русскаго дворянства, заключалась вторая особенность, которую можно назвать юридической. Въ чемъ же состояли эти вольности и преимущества?

II.

Вступивъ въ польскіе предѣлы въ 1654 г. и захватывая городъ за городомъ, правительство царя Алексѣя старалось закрѣпить за собою польскія области не только силою оружія, но и привлекая ихъ населеніе къ добровольному переходу въ подданство московскому государю. Издавались манифесты, въ которыхъ населеніе покоряемыхъ земель приглашалось „поискать къ себѣ государскія милости“, за что въ свою очередь московское правительство давало обѣщаніе перешедшихъ на государеву сторону „во всемъ оберегать и правъ и вольностей ихъ ни въ чемъ не нарушить“. Въ 1658 г. всею смоленскою шляхтѣ, уже покоренной, предписывалось грамотой государя составить „сеймикъ“, на которомъ избрать двухъ депутатовъ и затѣмъ послать ихъ въ Вильну, чтобы они тамъ „выславляли госуда-

реву милость и жалованье, что Его Царское Величество ихъ пожаловалъ: вѣры ихъ, правъ и вольностей ни въ чемъ нарушить не велѣлъ и прежними маестностями велѣлъ имъ владѣть по прежнему, да и сверхъ прежнихъ маестностей пожаловалъ ихъ иными многими маестностями⁴. Эти эмиссары должны были приглашать жителей Литовской земли „поискать себѣ покоя у Великаго Государя“¹⁾. Дѣйствию этихъ манифестовъ было очень успѣшно. Насколько можно замѣтить по перепискѣ московскаго правительства съ воеводами завоеванныхъ областей: Смоленской, Витебской, Полоцкой—большинство населенія, не только крестьянъ и горожанъ, но и шляхетства легко переходили въ Московское подданство. На государеву сторону выѣзжало множество шляхтичей „слыша его государеву милость къ своей братьѣ“²⁾. Какъ извѣстно, отъ большинства приобрѣтенныхъ въ эту войну областей Москвѣ пришлось отказаться, но Смоленская область съ городами Смоленскомъ, Дорогобужемъ, Бѣлой, Рославлемъ и Невлемъ—остались навсегда за Москвою. Виѣстѣ съ этими городами навсегда перешло въ русское подданство и дворянство, населвшее ихъ уѣзды, такъ называемыя Смоленская, Бѣльская, Рославльская и Невельская шляхты. Теперь московскому правительству предстояло сдержать обѣщанія, на которыя оно было такъ щедро во время войны. Эти обѣщанія и закрѣпились цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ московскими государями во второй половинѣ XVII вѣка шляхтствамъ присоединенныхъ уѣздовъ, скоро объединившимся подъ общимъ названіемъ „Смоленской шляхты“. Всего этихъ грамотъ съ 1654 г. по 1694 г. было издано шесть. На нихъ часто ссылалось смоленское дворянство въ XVIII вѣкѣ, когда заходила рѣчь о его правахъ и преимуществахъ. Посмотримъ, каково было ихъ содержаніе³⁾.

Первая грамота по времени (отъ 18-го сентября 1654 г.) была дана смоленской шляхтѣ тотчасъ же послѣ паденія Смоленска, который сдался 10-го сентября. Въ ней—управленіе смоленскими мѣщанами, какъ и смоленскою шляхтою и судъ по ихъ дѣламъ предоставлялись смоленскому судѣ Голимонту, одному изъ вліятельнѣй-

¹⁾ Арх. Юст. Дѣла Сен. 3290 л. 278.

²⁾ Арх. Ин. Дѣл. Смоленскій Приказъ. Столбцы 1655—1656 гг.

³⁾ 18-го сентября 1654 г. П. С. З. № 1299; 1664 г.—Дѣла Сен. 3290 л. 335; 1682 г. П. С. З. № 983; 1694 г.—Дѣл. Сената кп. 1842 л. 88. Тутъ же ссылки на грамоты 1656 и 1668 гг., текста которыхъ намъ не удалось найти. Впрочемъ грамота 1694 г. есть только подтвержденіе этихъ двухъ.

шихъ лицъ, убѣдившихъ смоленское населеніе сдаться государю ¹⁾. Впослѣдствіи, однако, управленіе Смоленскомъ перешло всецѣло въ руки воеводѣ. Жалованная грамоты и обязывали этихъ смоленскихъ воеводъ „*держать къ шляхтѣ ласка, приютъ и береженіе большое и отъ постороннихъ отъ всякихъ обидъ ихъ оберегать*“. Эти слова грамоты не заключали еще въ себѣ никакихъ положительныхъ гарантій; однако и въ позднѣйшихъ челобитныхъ по своимъ частнымъ дѣламъ, въ особенности когда приходилось въ чемъ нибудь жаловаться на воеводъ или позднѣе губернаторовъ, смоленскіе шляхтичи не забывали привести и эти слова, считая ихъ неизлишнимъ аргументомъ.

Вторая статья, которую встрѣчаемъ въ этихъ грамотахъ, тоже не выходила изъ области обѣщаній, также не заключавшихъ въ себѣ ничего реального. Московское правительство заявляло, что оно никакимъ ложнымъ огласкамъ на шляхту вѣрить не будетъ. Очевидно, что въ Москвѣ даже и въ концѣ XVII вѣка все еще не были увѣрены въ полной преданности смоленскаго дворянства и въ невозможности измѣны съ его стороны, или по крайней мѣрѣ само это дворянство было исполнено опасеній, что въ Москвѣ не считаютъ его вѣрность достаточно твердой. Малѣйшаго повода, того, что какой то крѣпостной крестьянинъ Мишка Прокофьевъ „умысля воровски, затѣявъ напрасно, извѣщалъ на Смоленскую шляхту, будто они умышляютъ имъ Великимъ Государямъ измѣнить, чего они, и дѣды, и отцы ихъ и въ мысли себѣ не имѣли и такихъ дѣлъ не дѣлывали“—такого повода было достаточно, чтобы возбудить въ шляхтѣ тревогу и заставить ихъ обратиться къ государямъ (Іоанну и Петру) съ челобитной и ходатайствовать, чтобъ государи пожаловали ихъ „за ихъ службы и за кровь и за раны и за полонное терпѣніе, такимъ его Мишкинымъ затѣйнымъ на нихъ поноснымъ и съ единомышленники его наученнымъ словамъ и клеветству и напрасному затѣйному извѣту вѣрить не велѣли“. Дѣло по этому доносу поступило, однако, на разсмотрѣніе государей съ думой: крестьянинъ Мишка за его воровской ложный извѣтъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, а смоленской шляхтѣ было постановлено выдать новую жалованную грамоту, въ которой вновь подтверждалось, что Великіе Государи никакимъ ложнымъ огласкамъ на шляхту вѣрить не будутъ ²⁾. Не заключая въ

¹⁾ *Соловьевъ*, X, 322 (по изд. 1877 г.).

²⁾ Такое же подозрѣніе возникало на шляхту и въ 1664 г. также по ложному доносу. Грамота 1664 г. заключала въ себѣ также обѣщаніе государя не вѣрить никакимъ ложнымъ огласкамъ.

себѣ, однако, никакихъ точныхъ юридическихъ опредѣленій, эта статья грамотъ имѣла важное значеніе: ею разсѣвались возникавшія сомнѣнія и тревога и подтверждалось расположеніе государя, бывшее единственною гарантіей сохраненія и прочихъ правъ и преимуществъ.

Двѣ остальные статьи грамотъ вполне положительнаго характера. Одна изъ нихъ гарантировала неприкосновенность земельныхъ владѣній шляхты: „маетностями своими, которыми они владѣютъ въ Смоленскомъ, Бѣльскомъ, Дорогобужскомъ и Рославльскомъ уѣздѣхъ по ихъ Великихъ Государей указомъ и по дачамъ и по привилеямъ королей польскихъ имъ и ихъ дѣтямъ и внучатомъ и правнучатомъ владѣть по прежнему въ роды ихъ неподвижно“. Другая статья очень короткая, но гораздо болѣе общаго характера, содержала въ себѣ обѣщаніе „вольностей ихъ и правъ не нарушать“. О какихъ вольностяхъ и правахъ эта статья говорила? Подъ этими словами, читая ихъ въ манифестахъ, исходившихъ изъ московскаго лагеря, польскіе шляхтичи до присоединенія ихъ къ Москвѣ, могли подразумѣвать и невѣсть что; но послѣ присоединенія приходилось считаться съ московскимъ политическимъ строемъ и забыть очень многія изъ прежнихъ шляхтскихъ вольностей. Позднѣйшая практика установила этой широкой и неопредѣленной статьѣ довольно ограниченное толкованіе: на нее обыкновенно ссылались, когда рѣчь шла о преимуществахъ смоленскаго дворянства въ отношеніи государственныхъ повинностей, а именно службы и разныхъ казенныхъ поборовъ. Впрочемъ попытки смоленскаго дворянства оградить себя этою статьєю отъ податнаго бремени успѣха не имѣли. Никакихъ податныхъ изыятій эта статья ему не обезпечила. Но за то свои служебныя преимущества оно сохранило очень долго. Итакъ, этими двумя статьями гарантировались *поземельныя права* шляхты и ея особый *служебный строй*, отличавшій ее отъ прочаго русскаго дворянства. Намъ и предстоитъ теперь познакомиться во-первыхъ съ нѣкоторыми особенностями въ землевладѣніи шляхты, имѣвшими значеніе до начала XVIII вѣка и во-вторыхъ съ особенностями ея служебнаго строя, сохраненными ею до второй половины прошлаго вѣка.

Переходившіе въ подданство московскому государю польскіе шляхтичи сохраняли свои прежнія земельныя владѣнія—„маетности“, какъ они стали называться на московскомъ офиціальномъ языкѣ. Московское правительство, давая имъ обѣщаніе сохранить ихъ владѣнія неприкосновенными, предписывало воеводамъ оставлять имѣнія за ихъ владѣльцами, которые предъявляютъ на нихъ привилей, данные поль-

скими королями. Если же у владѣльца не окажется никакихъ писемныхъ крѣпостей на маетность, тогда воеводы должны были „сыскивать про тѣ маетности всякихъ чиновъ людьми всякими сыски накрѣпко“ то-есть опросомъ сосѣдей удостовѣряться въ правильности показаній владѣльца о принадлежности имѣнія ему. вмѣстѣ съ утвержденіемъ земель за нихъ настоящими владѣльцами производились также и новыя пожалованія. Въ отличіе отъ маетностей эти вновь жалуемыя земли носятъ названіе „помѣстій“¹⁾. Въ помѣстьяхъ раздавались покнутыя земли шляхетства, оставшагося вѣрнымъ королю. Челобитчикъ обыкновенно пріискивалъ самъ себѣ чье нибудь такое свободное имѣніе, которое за нимъ и утверждалось²⁾. Пожалованіе шляхтичей помѣстьями производилось и впоследствии наравнѣ съ прочимъ русскимъ служилымъ сословіемъ. Такъ, по случаю объявленія царевича Федора Алексѣевича наследникомъ престола шляхтѣ были пожалованы помѣстныя придачи въ размѣрахъ отъ 50 до 80 чет. соотвѣтственно тѣмъ четыремъ статьямъ, на которыя подраздѣлялась шляхта³⁾. Благодаря съ одной стороны сохраненію земельныхъ вла-

¹⁾ Арх. мин. ин. дѣлъ. Дѣла Смоленскаго приказа стр. 1655 — 1656 л. 30, 82; 1657 г. л. 48 „шляхту переписать всю налицо.. и что которымъ шляхтѣ прежнихъ изъ маетностей по привилегіямъ и посылкамъ и оное помѣстій дано“.

²⁾ Ibid. л. 36 „бить намъ челомъ въѣзжай шляхтичъ Самойло Счасновскій Давнаровъ. Слыша де овъ нашу государскую неизреченную милость... пріѣхалъ на наше царское имя на вѣчную службу, а нашего жалованья помѣстья за нимъ нѣтъ нигдѣ... И намъ бы его пожаловать въ Витебскомъ уѣздѣ шляхтича изъ Войнова помѣстья Асенецкаго деревнею Салтами, а тотъ де Войно Асенецкій намъ Великому Государю измѣнилъ въ Польшу отѣхалъ, а то де его помѣстье по ся мѣста никому не отдано. И мы, Великій Государь... пожаловали“ и т. д.

³⁾ П. С. З. № 588. Среди жалованныхъ грамотъ шляхтѣ на земельныя владѣнія находится весьма любопытный примѣръ пожалованія земли на точно обозначенный срокъ: „билъ челомъ намъ Великому Государю полковникъ нашъ Самойло Тихоновецкій, а въ челобитной его написало: въ прошломъ во 164 г. (1656) нѣхалъ овъ, Самойло, на наше царское имя и вѣру намъ... учинилъ, что ему, Самойлу, намъ служить во вѣки неотступно... и пыгѣ де у него, Самойла, помѣстья нѣтъ нигдѣ и намъ бы его Самойла пожаловать, велѣти... дать ему, Самойлу, въ Оршанскомъ повѣтѣ князи Сангушви суффрагана Виленскаго села Смоляны, да Оболецы, да деревни Грушку, да Крупку съ деревнями и со всѣми угоды. И мы Великій Государь... полковника нашего Самойла Тихоновецкаго пожаловали указами ему тѣ села дати на два годм. И по нашей государской милости Самойлу Тихоновецкому тѣми селами и деревнями со всѣми угоды къ нимъ подлежащими владѣть два годм и доходы всякіе тѣхъ селъ и деревень со крестьянъ и со всякихъ жидецкихъ людей и съ угодій имати и крестьянамъ тѣхъ селъ и деревень во всемъ его, Самойла, слушать и доходы всякіе, что съ

дѣній за перешедшею къ Москвѣ шляхтой, а съ другой щедрой раздачѣ имѣній, оставшихся свободными за отъѣздомъ ихъ владѣльцевъ въ королевскую сторону, смоленскій край уже въ 70-хъ годахъ XVII вѣка былъ густо населенъ шляхетствомъ такъ, что въ немъ чувствуется уже недостатокъ въ свободномъ запасѣ земель для дальнѣйшихъ испомѣщеній недорослей. По крайней мѣрѣ въ 1675 г. московское правительство предписывало испомѣщать въ Смоленскѣ дѣтей только тѣхъ смоленскихъ шляхтичей, которые сидѣли въ Смоленскѣ во время осады и по сдачѣ его не отъѣзжали въ литовскую сторону; а дѣтямъ тѣхъ, которые туда отъѣхали или выѣхали къ государю уже по сдачѣ Смоленска, объявить, что въ Смоленскомъ уѣздѣ ихъ испомѣщать „не изъ чего“ и предложить имъ, если они пожелаютъ имѣть помѣстья, получить ихъ въ Казани ¹⁾. Черезъ семь лѣтъ послѣ этого указа въ пользу смоленскаго дворянства была даже установлена особая привилегія: былъ изданъ законъ, предоставлявшій исключительное право на полученіе помѣстій въ Смоленскомъ, Дорогобужскомъ, Бѣльскомъ и Рославскомъ уѣздахъ только лицамъ, принадлежавшимъ къ составу смоленскаго шляхетства и рейтарамъ смоленскаго рейтарскаго полка. „Московскихъ же чиновъ людямъ“ воспрещалось какъ обращаться съ челобитьями о пожалованіи помѣстій или вотчинъ въ этихъ уѣздахъ, такъ и самимъ приобрѣтать тамъ земельныя владѣнія ²⁾.

Итакъ, земельныя владѣнія смоленской шляхты раздѣлялись на два вида: „маестности“ и „помѣстья“. Что значилъ на московскомъ юридическомъ языкѣ терминъ „помѣстье“—это хорошо извѣстно. Но

нихъ бывало напередъ сего, давати Самойлѣ... гѣта 7165 мая 12-го“ (1657 г.) Арх. мин. ин. дѣлъ, Дѣла Смоленскаго приказа, столбц. 1657 г. д. № 4.

¹⁾ П. С. З. № 556. Часть смоленской шляхты была переселена вскорѣ же послѣ завоеванія Смоленска царемъ Алексѣемъ—на „за-камскую черту“ въ Казанскую область и такимъ образомъ оказалась въ XVIII вѣкѣ въ Уфимскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи. Въ екатерининской комиссіи 1767 г. для составленія проекта Новаго Уложенія находился депутатъ отъ этого переселеннаго шляхетства, которое еще не забыло къ тому времени своей связи съ родными мѣстами: оно во-первыхъ официально продолжало именоваться „смоленскимъ шляхетствомъ Уфимскаго уѣзда“, а затѣмъ просило черезъ своего депутата о дарованіи ему права на наслѣдства, открывшіяся послѣ родственниковъ, въ Смоленской губерніи. Сб. Имв. Рус. Ист. Общ., т. XXXII, стр. 469. XIV стр. 55. Наказъ отъ смоленскихъ шляхтичей, живущихъ въ Уфимскомъ уѣздѣ. Сборникъ, т. XCI, стр. 12—16.

²⁾ П. С. З. № 936, 1682 г.